



— ...о подготовке к зиме поговорим  
позже, а то тут уже стучат!..

# К Р О К О Д И Л

№ 28 (1390) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. МОСКВА 10 ОКТЯБРЯ 1954

# ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВЫСТАВКЕ

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

## На все случаи жизни

Павильону механизации и электрификации сельского хозяйства повезло в литературе, пожалуй, больше, чем другим сооружениям выставки. С чем только не сравнивали его прозаики, поэты и очеркисты! Ниже мы даём краткий перечень наиболее употребительных в литературе сравнений, чтобы читатель мог выбрать любое по вкусу.

Павильон сравнивали с ангаром, гигантской крытой галереей, эллингом, застеклённой верфью, железобетонным дворцом и т. п. Стекланный купол павильона оказался похожим на купола:

Исаакиевского собора,  
собора св. Петра в Риме,  
собора Брунеллеско во Флоренции.

Нам тоже очень понравился семидесятипятиметровый купол, хотя мы не видели ни собора св. Петра, ни собора Брунеллеско. Ещё больше нам понравилось то, что находится под стекланным куполом и крышей 26 залов павильона.

Но кто поможет нам разобраться во всей этой технике? Этак мы и сами запутаемся и, как журналисты, читателя запутаем.

На помощь нам поспешил Володя Сидельников, студент технического вуза, экскурсовод-доброволец и патриот павильона.

— На выставке демонстрируются 1 200 машин, — сказал он. — Такой коллекции вы не найдёте нигде в мире. В павильоне имеются машины буквально на все случаи сельскохозяйственной жизни.

— Неужели на все?

— А вы разве сомневаетесь?

Мы с опаской взглянули в горящие неподдельным энтузиазмом глаза добровольца-экскурсовода и уклончиво пробормотали, что не следует придавать особого значения нашим дилетантским суждениям о сельскохозяйственной технике.

Но Володя ответил, что отныне он не успокоится до тех пор, пока не просветит нас до самого конца.

— С чего начать ваше просвещение? — задумался Володя.

— С тракторов, — предложили мы.

— Хорошо. Начнём с истории. Знаете ли вы, кто построил первый в мире гусеничный трактор?

— Предположим, знаем.

— Тут предполагать нечего, знать надо! — сурово оборвал Володя. — Первый трактор построил в 1888 году Фёдор Блинов. А в 1953 году на полях нашей страны работало свыше миллиона тракторов.

Володя передохнул, чтобы дать нашим мозгам переварить эту цифру.

— Вот они, тракторы на все случаи жизни. Выбирайте! Вам нужен трактор для работы на целине? Прошу! Лучшей машины вы не найдёте, если даже объездите все континенты, — сказал Володя, показывая на могучее детище Алтайского завода.

— Нам нужен трактор для работы в саду, — сказали мы, быстро входя в роль.

— Могу предложить «ХТЗ-7».

— Для огорода!

— Он же подойдёт и для огорода.

— Дайте другой для огорода, — сказали мы, привередничая.

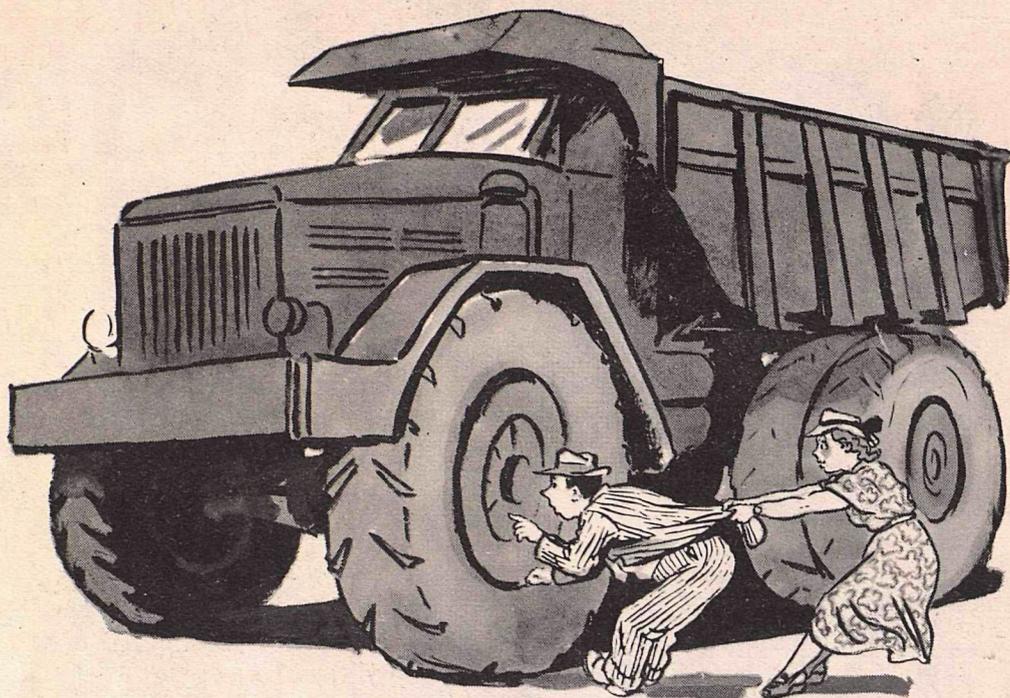
— Можно и другой, — любезно согласился Володя. — Берите «Беларусь». Прославленная марка. Не трактор, а картинка! Будет вам полоть, сажать рассаду, окучивать картофель...

— Ладно, — сказали мы, — а есть ли у вас трактор для работы...

— В пустыне?

— Нет, на болоте.

— Имеется и для болота. Берите челябинский «С-80». Не пожалеете. Обратите внима-



ние на ширину гусениц. Семьдесят два сантиметра! Пойдёт по любому болоту!

Выставленные тракторы действительно пригодны на все случаи сельскохозяйственной жизни. Они могут выполнять уйму всяческой работы. «Сталинец С-80» предназначается для тяжёлых сельскохозяйственных, землеройных и дорожных работ. Это трактор-богатырь. Трёхколёсный гусеничный «КТ-12» используется на вывозке леса. «ДТ-54», «КД-35» — работяги средней мощности. За гусеничными тракторами следовали колёсные «Беларусь» и «Универсал». За ними «У-1», «У-2», «У-3», которые применяются на обработке пропашных низкоствельных и высокоствельных культур и т. д.

Когда Володе показалось, что с тракторами вопрос ясен, мы перешли к уборочным машинам.

— Сначала признайтесь, — сказал он, — какие вы видели на своём веку уборочные машины.

Мы основательно порылись в кладовой своей памяти и извлекли «Коммунара». Мы сказали, что раньше, до войны, когда Володя не был ещё признанным техническим авторитетом, нам довелось видеть работу этого комбайна.

— Значит, «С-4» вы не видели?

— Нет.

— «КУ-27», «ЛК-7», «КОК-2», «СКЕМ-3»?..

На нас посыпались буквы в самых неожиданных сочетаниях.

— Дорогой Володя, — взмолились мы, — поменьше теории! Нас интересуют не буквы, а машины.

— «ПКН-1», «СК-2», «б»... — самозабвенно продолжал наш экскурсовод.

Мы знали по опыту, что остановить Володю можно только встречным заковыристым вопросом.

— А ты «ККР» видел? — неожиданно спросили мы.

«ККР» мы не видели. Мы произнесли первые попавшиеся на язык буквы. Но они произвели на Володю желаемое впечатление.

— Какую «ККР»? — опешил он.

— Обыкновенную.

— В первый раз слышу!

— Вот видишь, — сказали мы, — ты о ней не

знаешь. Но мы не упрекаем тебя. Бывает. Не огорчайся.

— Пойдите, постояте, быть может, не просто «ККР», а «ККР-2»?

— Возможно.

— Тогда я знаю эту машину.

— Ну, дорогуша, тут ты того... зарпортовался малость.

— Даю слово: я видел «ККР»!

— Ты не мог её видеть.

— Это ещё почему?

— Очень просто. Она ещё не изобретена. Её нет на свете. Она даже не шевелится в мозгу изобретателя. Мы только что её... выдумали!

— Позвольте, «ККР-2» — картофелеуборочный комбайн. Он сам выкапывает картофель, отделяет его от ботвы и земли...

— Как жалко, что он не отделяет правду от вымысла!

Но Володя уже не слушал. Он повлёк нас за собой. И через минуту он показывал нам картофелеуборочный комбайн, который действительно именуется «ККР-2».

— Володя, случилось нечто фантастическое, — сказали мы. — Первые попавшиеся на ум буквы обернулись всамделишной машиной.

— Никакой фантастики, — успокоил нас Володя. — Всё объясняется очень просто. В алфавите тридцать три буквы, а в павильоне сотни машин. Любое сочетание букв волей-неволей даёт название какой-нибудь машины.

Осмотр уборочных машин мы начали с зернового комбайна Таганрогского завода. Подле него стояла группа комбайнеров. Мастера были довольны:

— Гляди, полугусеничный ход!

— А это для повышенной проходимости.

— Стало быть, товарищ экскурсовод, механизм здесь копирует рельеф почвы? Выходит, ежели на пути попадётся бугорок, машина сработает сама, поднимет хедер на нужную высоту?

— Обязательно...

От уборочных машин мы перешли к посадочным, от посадочных к мелиоративным, от мелиоративных... Короче, в полдень нам стало

ясно, что за день невозможно ознакомиться со всеми экспонатами павильона и открытых площадок.

Мы выбросили флаг капитуляции. Но Володя сказал, что не в его принципах отказываться от принятого решения. Он предупредил, что не допустит хныканья и дезорганизации. И мы снова уверовали в нашего экскурсовода, и он повёл нас на открытую площадку, где стояли грузовики и крупногабаритные сельскохозяйственные машины и орудия.

Впереди всех грузовиков стоял огромный двадцатипятитонный самосвал Минского завода. У великана толпился народ.

— Хороша малютка! — сказал стриженный под «бокс» мужчина. — Силища-то какая, а?

— Вася, — позвала мужчину жена. — Скоро ты?

— Дай же человеку спокойно рассмотреть машину!

— Так ты же её уже полчаса осматриваешь!

— Ну, поговорите с этой женщиной! — рассердился мужчина. — Полчаса! А ты знаешь, сколько Форд осматривал этот самый самосвал? Час.

— Где он его осматривал?

— В Дании, на выставке. Сам читал!

— Так то же Форд. Может, его заело, что в Минске такие машины выпускают! — примирительно сказала женщина.

Женщина отошла в сторону и села на скамеечку, а мужчина полез под машину.

Когда мы закончили осмотр самосвалов, тягачей, автопогрузчиков, Володя сказал:

— А теперь посмотрим тележки. Безмоторные.

— Не выйдет, — сказали мы. — Безмоторные осматривать не будем. Мы, слава богу, насмотрелись на них.

— Таких, ручаюсь, вы не видели!

Мы объяснили Володе, что не только видели, но и самолично тряслись на бричках, тарантасах, дрожках, ходках, двуколках, мажарах, арбах, линейках — на всей колёсно-гужевой технике старой России. Не найдётся такой тележки, которую бы мы не видели!

— Найдётся, — сказал Володя.

И она действительно нашлась. Мы увидели тележку-чемпиона. Это была тракторная саморазгружающаяся тележка грузоподъёмностью в пятнадцать тонн.

— А где же коня под неё подобрать? — спросили мы.

— Есть и конь. Трактор «С-80», — ответил Володя, чувствуя, как не по дням, а по часам растёт его технический авторитет.

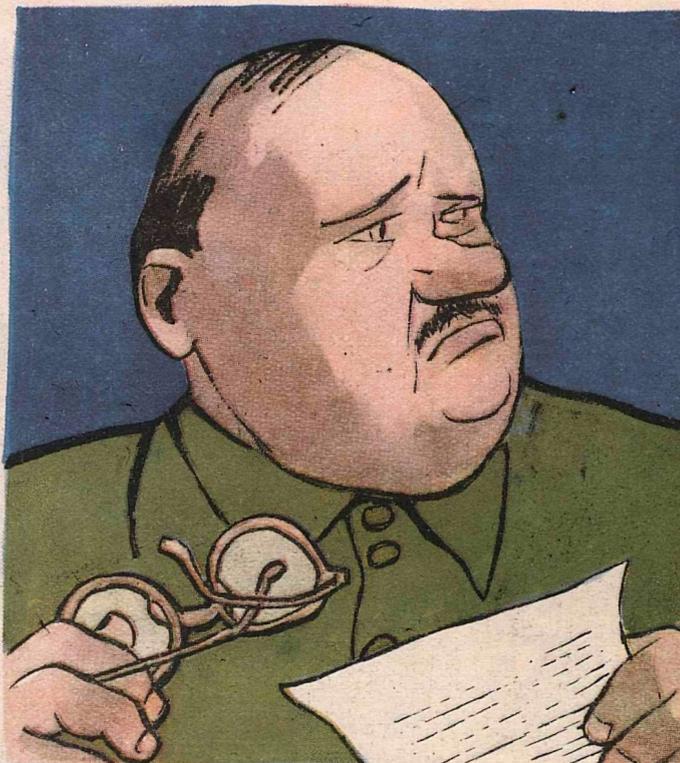
Поздно вечером нам показалось, что мы уже знаем всё. Но Володя сказал, что мы ещё ползунки, несмышлёныши, что у нас только ещё начинают прорезываться зубы и ему придётся много поработать, прежде чем мы станем на ноги. В заключение он предложил не терять драгоценного времени. Нам предстояло ещё познакомиться с боронами, луцильниками, универсальными сцепками, культиваторами, электрооборудованием, землеройными, дорожными, сеноуборочными и другими машинами.

Когда Володя окончил длинейшее перечисление, выставка уже закрывалась.

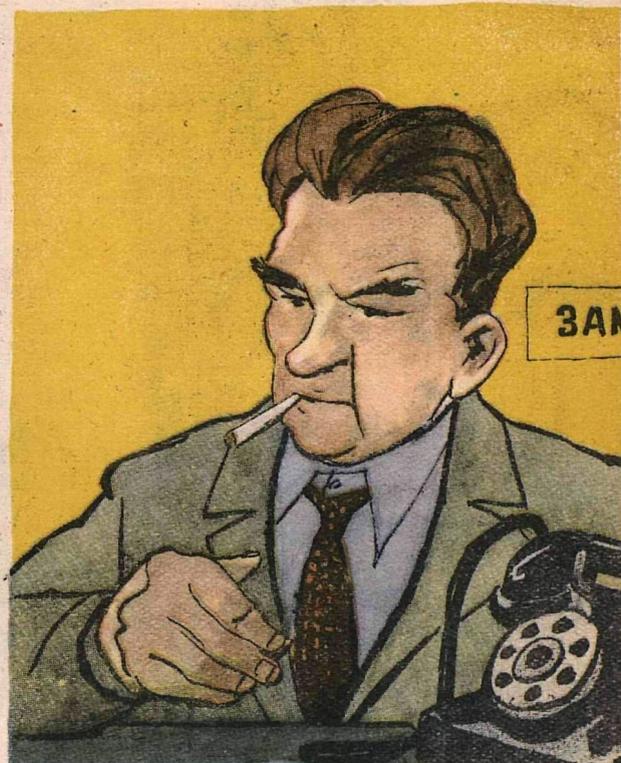
— Мы, кажется, попали в цейтнот, — очнулся наш экскурсовод. — Придётся прийти сюда завтра...

— Не только завтра, но и послезавтра, — сказал старик, выходящий с нами из павильона. — Здесь двух дней мало... А помню я, товарищи, дореволюционные выставки. Тогда, поверите, отечественные сельскохозяйственные орудия можно было осмотреть за несколько минут, а нынче...

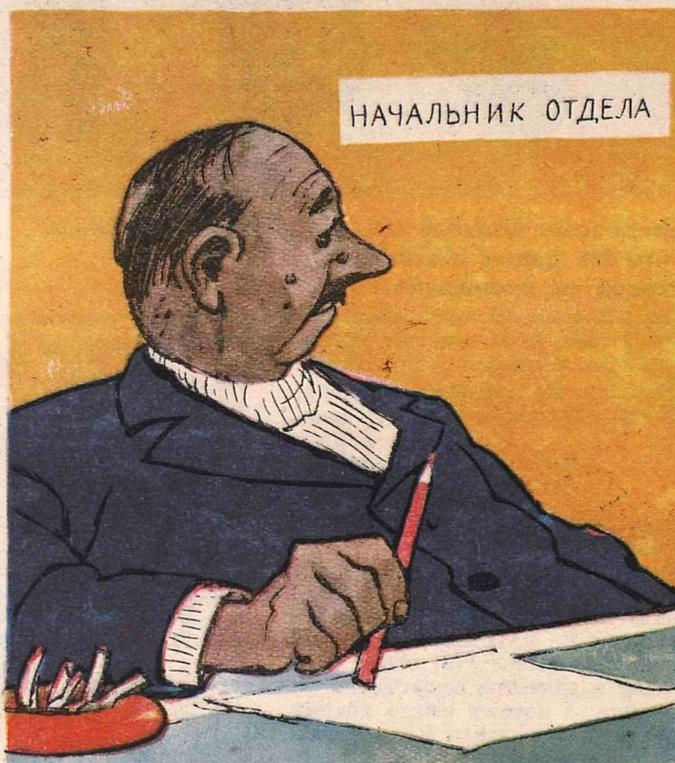
Старик мог не продолжать... Теперь мы уже точно знали, сколько нужно времени для самого мимолётного знакомства с техникой социалистического земледелия. Знали и мечтали попасть сюда завтра. И ещё мечтали о простенькой машине, этаким самоходной, саморазгружающейся тележке, которая бы доставила нас домой и выгрузила прямым хонько в постель.



— Поехать в район? Не могу, пошлю заместителя...



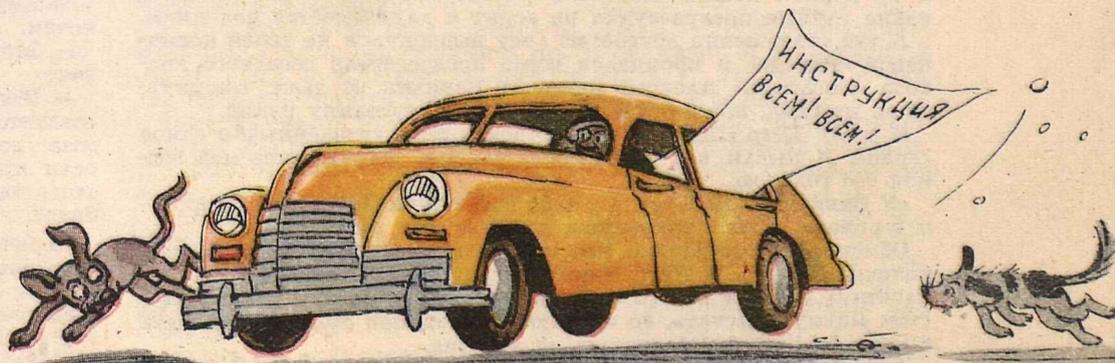
— Я занят. Придётся послать начальника отдела...



— В район? Нет уж, пусть инструктор едет...



— Выехать? Пошлю-ка я лучше инструкцию...



...и она поехала.



Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Передовому колхозу мы дадим новые машины.  
 — А что же дадим отстающему?  
 — Выговор за отставание...

Варвара КАРБОВСКАЯ

## ОСЕННИЙ СОН

Довольно обыкновенная картина: нахмуренное, серое небо, щетинистое бурое поле, жирные, самодовольные галки...

В общем, картина довольно радостная. Она означает, что небо ещё не успело пустить нудную слезу о безвременно ушедшем лете, а урожай убран. Правда, общий вид несколько портят чересчур разжиревшие галки. Они наводят на размышление о том, что птичка по зёрнышку клюёт и сыта бывает, а когда этих птичек тысячи... Однако жирных галок в качестве вещественного доказательства к сводке не приложишь, а потому никто до сих пор не упрекал колхоз «Вперёд» и его председателя Каруселина Петра Никитича в больших потерях. Значит, можно жить и радоваться. Но радоваться Петру Никитичу мешает одно существенное обстоятельство.

Вот, например, сегодня не успел он на своих дрожках выехать с просёлка на большак, как дорогу ему пересёк... нет, не заяц и не чёрная кошка. Каруселин — человек сознательный, ни в какие глупые предрассудки не верит и даже смеётся над ними.

А тут совершенно другое: из лесу вывернулся на своей коричневой «Победе» и промчался мимо председатель соседнего колхоза «Богатырь» Алексей Денисыч Вавилин. И даже, высунувшись из окна, приветственно помахал Каруселину рукой.

И сразу Пётр Никитич почувствовал себя уязвлённым в самое сердце. И мысли, как назойливые слепни, закружились над бедной его головою...

«У Вавилина «Победа», а у тебя беговухи. Вавилин — фррр! — и в районе, а ты — трюх-трюх, когда-то ещё доберёшься...»

Обидно! До того обидно, что и выразить нельзя. Нет, выразить, конечно, можно. И Пётр Никитич, изругавшись чёрным словом, хлестнул кнутом пегого мерина Ваську. А Васька только хвостом махнул: дескать, во мне одна лошадиная сила, и требовать с меня большего нетактично: не машина.

А Пётр Никитич и сам сознаёт, что мерин не машина, и именно это ему и прискорбно.

— Нет! — вслух говорит Каруселин. — Хватит. Не позволю наступать на моё самолюбие, как на больную мозоль. Поставлю вопрос на правлении о приобретении легковой машины!

И когда через час, подъехав к райкому, он увидел у крыльца вавилинскую «Победу», а самому ему пришлось привязывать Ваську под ветлой у коновязи, он уже совершенно утвердился в своём решении.

«Люди едут как люди, используя на сто процентов современную технику, а ты словно бы и не хозяин, а рядовой конюх».

...На правлении первым выступил Федотов. Он постучал своей инвалидной клюшкой о пол и заявил:

— Этот вопрос нужно обсудить на собрании колхозников, а не втихую, на правлении.

— А правление — не те же колхозники? — миролюбиво спросил Пётр Никитич, поднялся с места и произнёс торжественно: — Товарищи! Мы с вами каждый день читаем газеты и слушаем радио. И что же мы читаем и слышим? Что колхоз такой-то обзавёлся легковой машиной!. Это что значит? Это означает, что колхоз такой-то идёт в ногу и в гору. Что колхоз зажиточный и имеет полную возможность. И каждое сердце патриота при этом радуется и гордится!

Федотов опять постучал клюшкой и сказал:

— Хорошо гордиться, когда есть чем. А нам покамест особенно нечем.

— Это в каком смысле? — насторожённо спросил Пётр Никитич.

— В том смысле, — сказал Федотов, — что у нас коровники как следует не утеплены, в избе-читальне зимой пять градусов мороза, дорогу зерном усыпали, галок кормили. И я так думаю: если председатель будет взад — вперёд катать на «Победе», от этого ни людям, ни скоту теплее не станет и славы нам не прибавит.

Короче говоря, в председателев огород камешек заброшен. И главное, и Яков Назарыч, и Григорий Смирнов, и Сысоев, а с ними и другие тоже начали как будто склоняться на сторону Федотова.

— Эх-х! — громко вздохнул Пётр Никитич. — Слушаю я и думаю: до чего ж мы ещё отстаем! Что такое машина? Неужели это только транспорт в узком смысле понимания? Я рассматри-

ваю машину не как транспорт, а как товар лицом. Вот, например, у Вавилина...

— Сравнял... — сердито фыркнул Федотов. — У Вавилина колхоз — миллионер.

— А у нас?

— Покамест нет ещё.

— А я рассматриваю это твоё настроение, товарищ Федотов, — строго произнёс Пётр Никитич, — как прямое выражение упадка вниз. Сегодня наш колхоз не миллионер, а завтра будет миллионер!

— Вот завтра и машину купим.

— А я считаю, что сегодня!

Пётр Никитич пристукнул ладонью по столу. И, поняв, что с Федотовым каши не сварить, ласково обратился к Якову Назарычу:

— Ты, Назарыч, неправильно рассуждаешь. Вот дочка твоя не нынче — завтра соберётся родить. Рраз её в машину — и в больницу! Тебя ревматизм мучает... Чем на телеге трястись, рраз — и в поликлинику. Тот же Федотов, на протезе, инвалид Отечественной войны. В машине ты, Федотов, и в полевой стан можешь и в район, на слёт. Не исключена возможность, что и на рыбалку! Отчего ж не предоставить уважаемому человеку моральное удовлетворение? За это нас никто осудить не может.

— Вот это купил! — засмеялся Яков Назарыч. — И в родилку и на рыбалку! Всё на машине.

Пётр Никитич почувствовал, что удачно обошёл острый вопрос, и, не теряя даром времени, проголосовал:

— Кто за, кто против, кто воздержался? Принято единогласно!

— Я против, запишите, — сказал Федотов и захромал к выходу.

— Ты скажи на милость, на рыбалку в машине катать — и то не соблазнился! — шутили правленцы.

Прошло какое-то время, и вот уже Сысоев командирован за машиной, и плотники, снятые с постройки яслей, заканчивают гараж, и электрик забросил работу по освещению коровников и тоже трудится в гараже.

А когда пришла серая гладкая «Победа» и колхозники собрались поглядеть на неё, Каруселин, обращаясь ко всем, сказал:

— Разве ж меня можно упрекнуть, что я когда-нибудь что-нибудь для себя лично? Разве я хоть одной колхозной копейкой когда попользовался?

— Об яслях для наших ребятишек ты не пибко болеешь, Пётр Никитич! — раздался из толпы женский голос.

— Мы зимой в гараже будем агротехнику изучать, в «Победе», на мягком сиденье, — сказала Клава. — А то в избе-читальне только волков морозить и сидеть не на чем. А не то в «Богатырь» за двадцать километров слетаем. У них не изба-читальня, а Дом культуры, как в районе!

— Всё будет, и Дом культуры будет, к тому идём, — добродушно произнёс Каруселин и, чтобы замять неприятный разговор, крикнул: — А ну, ребятня, залазь в машину, сейчас прокатим, обновим!

...Сбылась мечта Петра Никитича Каруселина. Вот он, усевшись на ковровых подушках, мчит за реку на дальнее картофельное поле. Говорит шофёру Феде:

— Я так понимаю, Федя, что руководитель должен быть оперативным. Возможно это осуществить пешком или на беговущках? Невозможно. Везде хозяйский глаз нужен, а пока я трюх-трюх, где-нибудь упущение.

— Ясно! — кивнул головой Федя и внезапно резко затормозил. — Эх, мостик, окаянная сила, весь исковерканный! Как бы нам не провалиться, Пётр Никитич. Починить бы мостик-то...

— И мостик починим, не всё сразу. А ты в объезд через вавилинский мост.

— Вавилинский мост, конечно, не нашему чета, — говорит Федя, — да ведь крюку шесть километров.

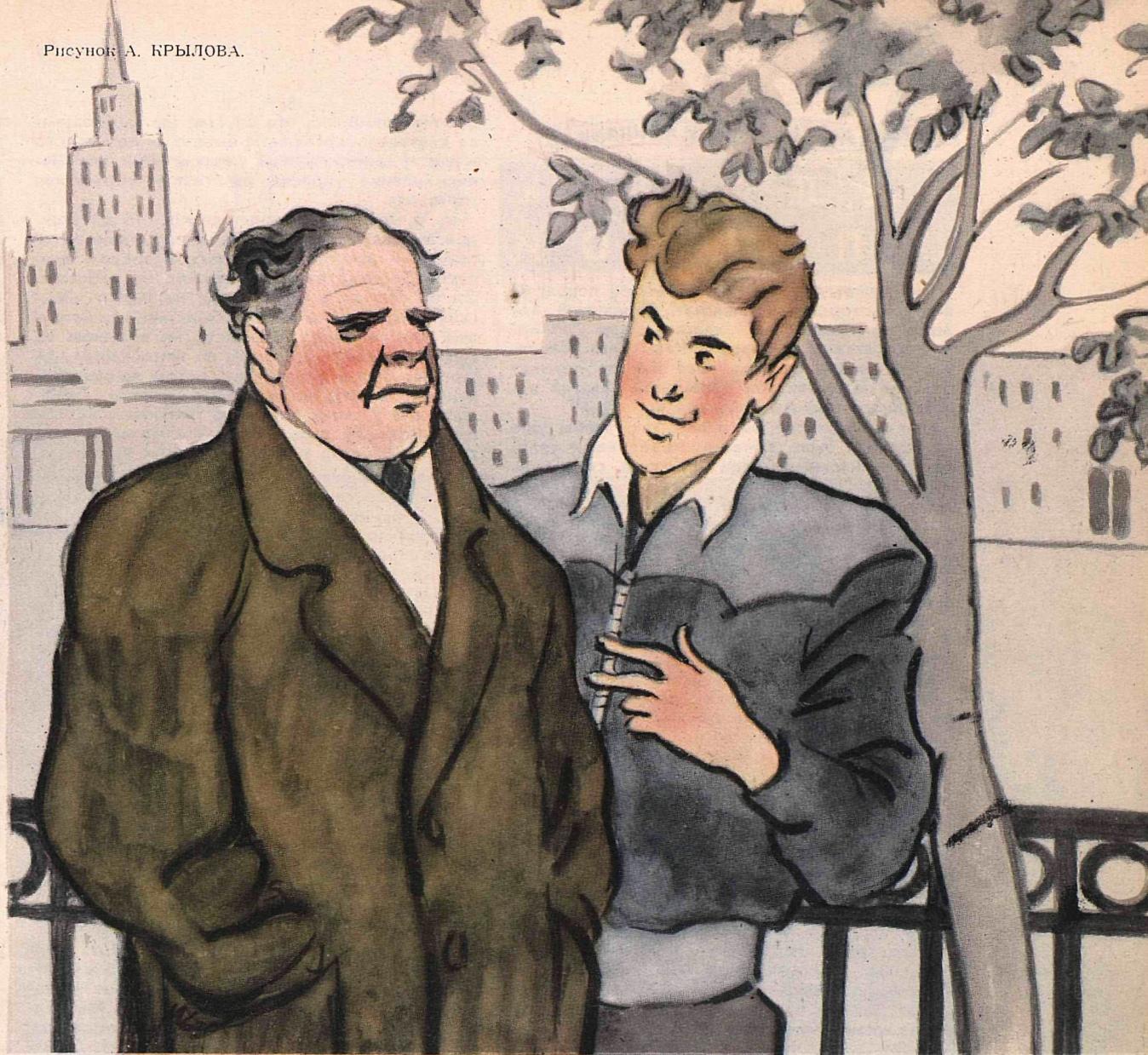
— Авось, не пешком, на машине! Что значит шесть километров!

...И особенно приятно было Петру Никитичу, когда он через несколько дней катил в район. Из лесу, как в прошлый раз, вывернулась коричневая машина колхоза «Богатырь». Каруселин даже привстал на сиденье, как верховой на стременах.

— А ну, Федя, жми давай!

И серая «Победа» рванула вперёд. В район они примчались первыми. Пётр Никитич с ухмылкой поглядел в сторону конюязи, где стояла чья-то забрызганная грязью тележка, и бойко взбежал по ступенькам здания райкома.

«Видали меня из окна или не видали?» — прикидывал он в уме, подымаясь на второй этаж. Ему вспомнилось: это было как раз при нём, когда Вавилин впервые приехал в райком на новой машине. Второй секретарь поднялся ему навстречу и поздравил с приобретением. Вот и его сейчас, наверно, поздравит второй секретарь. И что бы такое ему ответить?.. «Помаленьку богатею,



### «СОАВТОР»

— Говорят, что вы с Иваном Ивановичем написали хорошую книгу?  
— Гм, в таком случае надо будет её прочесть.

Пал Семёныч!... Или так. Он спросит: «Как жизнь?» А я ему бодренько: «Лучше всех, Пал Семёныч!»... Ну, да там видно будет, Каруселин за словом в карман не полезет.

Второй секретарь не поднялся ему навстречу. Он как-то уж очень пристально поглядел на Каруселина и протянул ему районную газету.

— Здорово! Не читали?

— Нет ещё, Пал Семёныч.

— Присядьте, прочтите.

Заметка была обведена синим карандашом.

Каруселин почувствовал, что присесть ему действительно необходимо: затосковали ноги, то ли от сидения в машине, то ли от того, что секретарь непривычно обратился к нему на «вы».

За окном раздался гудок.

«Вавилин подбехал, — смекнул Пётр Никитич. — Если что неприятное, нужно бы до него провернуть».

Он стал читать заметку и почувствовал озноб, хотя и ветром не обдувало и дождём не секло, как бывало на беговущках. В заметке говорилось о том, что председатель колхоза «Вперёд» Каруселин П. Н. по-барски распорядился колхозными деньгами. Не посоветовавшись с колхозниками, уговорив правленцев, приобрёл машину фактически для удовлетворения личной прихоти. В легковой машине особой нужды не было, а есть нужды поважнее... И тут, конечно, перечислялись и недостроенные ясли, и коровники, и даже мостик через реку...

«...Тов. Каруселин спал и видел во сне «Победу» соседнего колхоза-миллионера, руководимого тов. Вавилиным. И этот осенний сон не давал ему покоя. А того не видал ни наяву, ни во сне, как бы взять пример с колхоза-миллионера в работе...»

Заметка так и называлась: «Осенний сон тов. Каруселина».

И как раз в это время на пороге кабинета появился Вавилин.

— Входи, входи, Алексей Денисыч, — приветливо сказал второй секретарь. — А мы тут делом заняты, сны разбираем...

...По дороге домой Пётр Никитич опустил стекло. Он уже настолько освоил машину, что знал, какие ручки к чему. Теперь ему хотелось, чтоб и дождь его промочил, и чтоб ветром прохватило насквозь, и чтоб захворать, и проснуться — и снова сесть на беговущку и работать, работать... И чтобы сегодняшнего дня вовсе не было.

Он молчал всю дорогу. Молчал и шофёр Федя, а из кармана его бобриковой куртки торчал уголок районной газеты, той самой, с заметкой «Осенний сон».

ЧЕЛОВЕК  
С ПАПКОЙ

Ему кажется, что ликом своим он похож на поэта, которому воздвигнут бронзовый памятник. Только не хватает для полного сходства бакенбард. Жаль, что бакенбарды вышли из моды. Без них он походит больше на директора пробирной палатки забвенного Козьму Пруткову.

Имя и фамилию он пишет так, чтобы уже из подписи было заметно: перед вами человек оригинальный, жрец искусства, служитель Аполлона!

Он подписывается так: «Мих. Элькинд».

На афише, отпечатанной в типографии города Ульяновска, эта фамилия фигурирует трижды.

Мих. Элькинд. «В эти дни», одноактная пьеса.

«Веселая лечебница», текст М. Элькинда.

Литературный сценарий карнавала Михаила Элькинда.

Кроме произведений Элькинда, афиша обещала гражданам приволжского города воздушный полёт арт. Клярины вокруг Эйфелевой башни, цыганский шатёр, карнавалы фотографии, серпантин, ценные подарки танцорам и плясунам, большой фейерверк.

Карнавальная афиша шестилетней давности — единственное печатное произведение, свидетельствующее о причастности Элькинда к сочинительству, хотя Элькинд уже не зелен, не молод, ему идёт пятый десяток. Увы, Элькинд вышел из того возраста, когда можно было простить горячке юных лет и юный жар, и юный бред.

Было время, когда Михаил Элькинд не выходил из обычного людского круга. Где-то служил по торговой части, состоял в профсоюзе. Платил членские взносы. Вёл трезвый образ жизни. Конфликтов с милицией не имел.

Вполне возможно, что он стал бы выдающимся деятелем торговли. И вместо сатирического журнала литературный портрет Михаила Зелихмановича украсил бы газету «Советская торговля».

М. З. Элькинд решил, однако, что он рождён не для прилавка. Он подался в мир литературы и искусства. Находясь в зрелом возрасте, Элькинд нигде не служит, не работает. Он не состоит в профсоюзе, не платит членских взносов и не несёт общественных нагрузок. Он не имеет оседлости ни в одном из городов и сёл. Он носит по житейскому морю. Вот был в Ульяновске, потом пришвартовался к Калуге, но и Калуга недолго задержала его у своих причалов. Большому кораблю — большое плавание. Много ночей и дней плавает Элькинд под московскими широтами.

Ни в Ульяновске, ни в Калуге, ни в Москве, ни в другом городе не вышло ни одной книги Мих. Элькинда. Он считает, что в этом виноваты только редакторы и издатели. Он, видите ли, не понят ими, они не могут по достоинству оценить его творчество. Эти нищие духом люди, заседающие в редакциях и издательствах, не могут увидеть, понять и оценить столь многогранный талант. Посмотрите, как широк диапазон литературной деятельности Мих. Элькинда! Он пишет пьесы, киносценарии, тексты для карнавала, произведения лирические, произведения исторические. Его портфель набит рукописями. Самая фундаментальная рукопись облечена в коричневый переплёт, а на переплёте нежноголубым цветом по способу глубокого тиснения напечатано название: «М. З. Элькинд. Киносценарий. Ульяновск. 1946 год». С этой и другими рукописями приходит Элькинд в редакции, в театры, в киностудии, в Союз писателей, в квартиры; на базе своих творений он именует себя то драматургом, то киносценаристом, то просто творческим работником.

Уже давно надо было бы предложить ему прекратить глумление над литературой и театром, над русским языком. Уже давно надо было потребовать, чтобы Михаил Элькинд от своих многочисленных видов литературы

перешёл к какому-нибудь виду общественно-полезной деятельности.

Описываемый нами вольный сын эфира не причастен ни к одной области физического или умственного труда. Когда им интересуется домоуправление, он в качестве вещественных доказательств своей принадлежности к литературе и искусству предъявляет выцветшую афишу и потрёпанную рукопись в коричневом переплёте с нежноголубым тиснением. Это производит известное впечатление. Он также впечатляет простактов интеллигентными манерами, изысканной речью, ссылками на знаменитых в мире литературы и искусств. Он сыплет именами и фамилиями. В городе Ульяновске он был близок к писателю Коноваловым, с тем самым, который написал роман «Университет». В Москве его сочинения читали драматурги Штейн и Мдивани. В Ленинграде им интересовалось руководство Академического театра имени А. С. Пушкина. По уверению Элькинда, он на короткой ноге с прозаиками, поэтами, драматургами, актёрами. Он полон творческих планов и замыслов.

Над чем же работает Михаил Зелихманович в данный период?

— В данный период я работаю над сценарием. Моя тема — изобилие промышленных товаров и продовольственных. Это, конечно, злободневно. Не думайте, что тема будет бесконфликтной. Изобилие не исключает возможности конфликтов. У меня в сценарии конфликт есть. В чём он? Люди, привыкшие к благу, в условиях изобилия окажутся в новой обстановке. Им придётся приспосабливаться, перестраиваться. На этой почве возникают жизненные конфликты. Вот тема, над которой я работаю в данный период. К тому же недавно закончил киносценарий. Тема тоже актуальная — бдительность советских людей. Как говорил поэт, «...революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг...»

Элькинд вхож во многие дома — литературные, театральные. В этих домах есть лица, коим нравится быть меценатами. Они встречаются пришельца этими литературными и театральными улыбками, бегом перелистывают его рукописи и хлопают автора по плечу:

— В вас, батенька, есть что-то такое... Есть у вас, голуба, эта, как она называется, искра божия... Вам, старик, надо работать.

И хотя искра не разгорается в пламя и уже прошли все сроки для того, чтобы Элькинд на деле доказал свой талант, ему кое-где покровительствуют, дают авансы под его папки.

Мы были бы несправедливы к Мих. Элькинду и наш литературный портрет не был бы полным, если бы мы хотя бы вскользь не упомянули о самом зрелом его произведении. Оно у него есть. Это донжуанский список Михаила Зелихмановича. Список этот ведётся давно, и Элькинд, видимо, полагает, что романтические похождения украшают его имя, придают этому имени особый шик и блеск. Ведь он литератор, человек искусства, он не может жить, как все, и подчиняться общим законам и нормам!

Мих. Элькинд производит впечатление речью и манерами на милых женщин и девушек, головки которых не несут другого бремени, кроме модной причёски.

На донжуанском поприще у Мих. Элькинда успехов больше, чем в литературе. И в наш век, к сожалению, ещё пользуются кое-где кредитом те субъекты, что в общезнании именуются альфонсами.

Он получает приют, корм, елей и фимиам, деньги и другие утехы.

Мы не считаем Элькинда оригинальным, своеобразным человеком. И до него были пройдохи. Путеводной звездой его является, кроме Дон Жуана, другой литературный персонаж — Хлестаков Иван. Тот тоже хвастался своими связями в мире литературы и искусства. Попав в провинциальный городок, он сумел расположить к себе городничего, его супругу и дочку. Элькинд идёт проторённой тропой, он пошёл и банален, он без царя в голове, не говоря уже об искре божией.

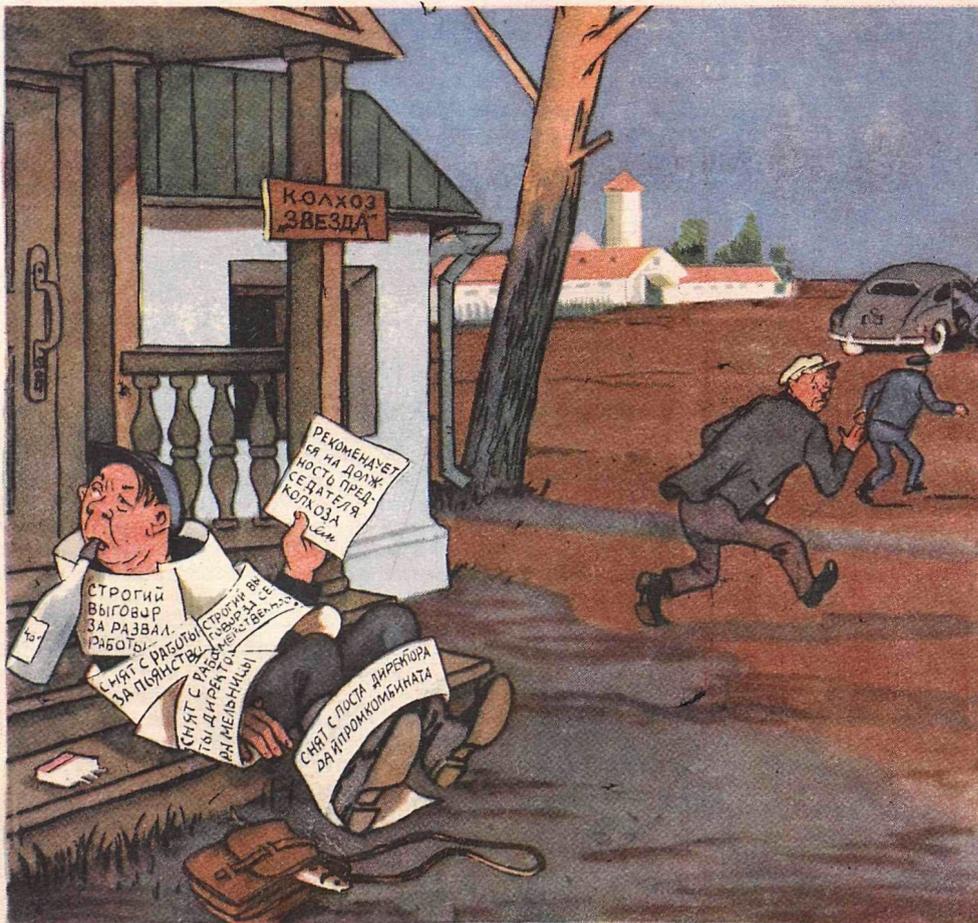
Заканчивая литературный портрет Мих. Элькинда, мы выражаем сожаление о том, что некоторые театральные, литературные и иные Дома снизились до уровня гостиной в доме гоголевского городничего, где задолго до Михаила Зелихмановича Элькинда подвизался Иван Александрович Хлестаков.

И. РЯБОВ

Рисунок А. КОЗЮРЕНКО

(из журнала «ПЕРЕЦЬ», г. Киев).

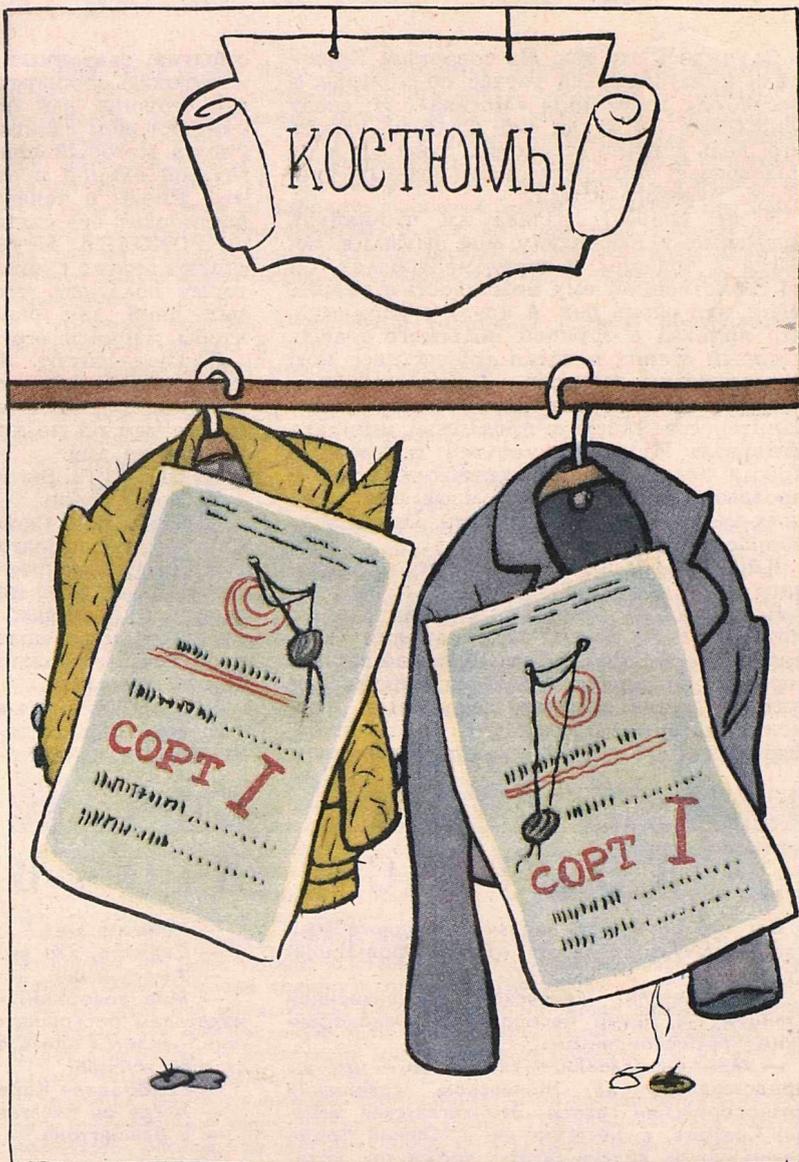
Существует ещё нехорошая практика, когда руководителей, которые провалились и скомпрометировали себя на одном месте, перекидывают на руководящую работу на другие места, нередко в колхозы.



ПОДКИДЫШ



ШИТО



КРЫТО

**ВЕРНЫЙ СТРАЖ**

Выехавшего в командировку начальника Тульского областного управления автомобильного транспорта и шоссейных дорог М. И. Косякина догнала следующая телеграмма:

«Процентки оформлены были в квартире жена отказала поставить печать. Срочно телеграфируйте жене выдачи печати Степаненко».

Не перепутан ли на телеграфе текст? Какое отношение имеют квартира с женой к проценткам?

Однако, в телеграмме всё оказалось правильно. Прочитав её, Косякин тут же отбил директивную депешу своей супруге Марии Петровне:

«Немедленно поставь печать актах процентки».

Хранение казённой печати возведено тов. Косякиным на совер-

шенно головокружительную высоту. Выбывая из Тулы, бдительный начальник управления не решается оставить печать даже своему заместителю. Косякин прячет печать у себя дома, под подушкой, и наказывает жене сторожить её днём и ночью. Правда, иной раз это вызывает задержку в финансировании вверенного тов. Косякину учреждения и нелепую телеграфную переписку. Зато на душе у начальника спокойно: супруга не подведёт!

Е. ТРОИЦКИЙ.

**ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ НАРОД**

Всё происходило в строгом соответствии с законом.

Перед началом судебного заседания в зале отозвались эхом

обычные для судопроизводства слова:

— Встать! Суд идёт!

Судья 4-го участка Куйбышевского района города Ленинграда и народные заседатели занимали стоявшие на возвышении кресла с высокими спинками.

Усаживались в отведённые для них места адвокаты сторон, бросая друг на друга суровые взгляды: «Посмотрим, чья возьмёт!»

Тут же присутствовали эксперты и свидетели. Слушалось «дело» о шести старых мешках.

...Директор хлебной базы № 1 «Заготзерно» тов. Емельянова возбудила дело о взыскании с Волжского речного пароходства за порчу мешкотары... 16 рублей 66 копеек.

Разгорелись судебные страсти... По ходатайству одной из сторон для предъявления новых, веских доказательств суд вынес решение — рассмотрение дела отложить.

На вторичном заседании суд вынес определение в пользу истца.

— Мы этого дела так не оставим! — зашумел огорчённый начальник Волжского пароходства тов. Селезнев вместе со своим юристом тов. Ломоносовым. — Мы не станем государственную копейку бросать на ветер!..

И они этого «дела» так не оставили.

Из-под пера этих рачителей государственных средств в ленинградский городской суд полетела кассационная жалоба.

Снова завертелась судебная машина...

Ленинградский городской суд, рассмотрев дело об иске 16 рублей 66 копеек, оставил в силе решение народного суда.

Мы не уверены, угаснет ли теперь у тт. Селезнева и Ломоносова тяжёлый пыл, или они вновь пустят в ход жалобный конвейер. И, чего доброго, за 16 рублей 66 копеек дойдут и до Москвы...

Хорошо, конечно, когда хозяйственники зорко берегут государственную копейку. Плохо вот только то, что, оберегая копейку, теряют рубли.

Судя по бухгалтерским данным, расходы на судопроизводство давно уже перевалили у тов. Селезнева сумму предъявленного ему иска. А во что обошлась эта тяжба государству?

— Это всё ерунда, — говорит убеждённо тов. Селезнев, — важен принцип!

— Важен принцип, — вторит ему директор хлебной базы тов. Емельянова.

И вот «из-за принципа» они ищут новых, веских доказательств, выворачивая наизнанку старые мешки.

В. ГОГОЛЮК

# МОЯ ВСТРЕЧА С КРОКОДИЛОМ

Случилось это так. На товарища Крокодила я натолкнулся тотчас по приезде, в вестибюле гостиницы «Москва». Я сразу узнал его. Да и как мне было не узнать его: ведь именно Крокодил, хотя он и не подозревает этого, был моим первым учителем русского языка.

Я не уверен, сказала ли что-нибудь уважаемому Крокодилу моя фамилия, но, когда я подошёл и отрекомендовался, он со свойственной ему вежливостью уверил меня, что очень рад. А когда я упомянул, что приехал с труппой польского театра, который ставит в числе других пьес мою сатирическую комедию «Такие времена», товарищ Крокодил обнаружил приятную заинтересованность и предложил мне дать интервью. Итак, мы уселись в удобные кресла великолепного вестибюля, куря и провожая медленным взглядом проходящих мимо мужчин и женщин. Он задавал вопросы, а я отвечал.

**КРОКОДИЛ.** Какую проблему затрагивает ваша комедия?

Я. Попробую ответить в двух словах, хоть это и не легко. Моя комедия (действие её происходит в провинциальном городке, на маленькой гвоздильной фабрике), с одной стороны, показывает перемены, которые происходят в директоре фабрики и его сотрудниках под влиянием

событий, связанных с приездом в городок известного варшавского писателя, а с другой стороны, как принято говорить, ударяет остриём сатиры именно в того литератора, который явился в эту местность с готовой схемой произведения и надеется, что жизнь в течение двух — трёх дней подтвердит его схему.

**КРОКОДИЛ.** Неужели у вас ещё существуют эти схематические писатели, которые полагают, что достаточно нескольких дней для ознакомления с городом, чтобы изучить его проблемы?

Я. Существуют. Я сам знаю одного из них, написавшего комедию, действие которой происходит на фабрике гвоздей, а между тем он не провёл на этой фабрике ни одного дня.

**КРОКОДИЛ.** Вы имеете в виду себя?

Я. Вот именно.

**КРОКОДИЛ.** Скажите, пожалуйста, каким образом и долго ли вы писали пьесу?

Я. На этот вопрос ответить значительно легче. Писал я её мимоходом, в перерывах между собраниями, конференциями, дискуссиями и совещаниями, посвящёнными проблеме неотложности создания сатирической комедии.

**КРОКОДИЛ.** А комедия ваша весёлая?

Я. Не знаю. Судя по тому, что на премьере мои коллеги и приятели сидели с

угрюмыми физиономиями, скорее всего весёлая. Но я предпочёл бы, чтобы вы посмотрели и оценили её сами.

Крокодил любезно уверяет меня, что ни о чём ином он и не мечтает и придёт на спектакль, если только ему позволит время. Зная журналистов, я глубоко убеждён, что время скорее всего не позволит. Дальнейший разговор протекает в атмосфере нарастающей сердечности.

**КРОКОДИЛ.** Если уж зашла речь о коллегах, не можете ли вы рассказать кое-что о польских сатириках?

Я. С удовольствием. В Союзе польских писателей существует секция сатиры, насчитывающая около тридцати членов, в том числе таких популярных в Польше сатириков, как Бжехва, Минкевич, Вех, Мицнер, Грозенская, Живульская, Марианович, Брудзинский. Другой серьёзный ансамбль сатириков находится в Кракове. Мы пишем стихи и фельетоны для сатирического журнала «Шпильки», снабжаем репертуаром театры сатиры, стараемся создавать сатирические комедии и сценарии для кино.

**КРОКОДИЛ.** И насколько это вам удаётся?

Я. Мнения на этот счёт расходятся. Автор обычно находит, что удалось, все остальные — что нет.

**КРОКОДИЛ.** Видимо, у вас тьма работы. И все ваши сатирики так активны?

Я. Почти все. Однако надо сознаться, что и среди нас встречаются мёртвые души. Говоря точнее, мёртвые души есть, а Гоголя нет.

**КРОКОДИЛ.** А как встречает ваше творчество публика, читающая прессу и посещающая театры сатиры?

Я. Разумеется, как нельзя более доброжелательно. Ведь никто не принимает сатирических выпадов на свой счёт, каждый убеждён, что мы имеем в виду его знакомого.

**КРОКОДИЛ.** Возвратимся к вашей комедии. Скажите, как отнеслись к ней театры, которые её ставят?

Я. С большой сердечностью. Это тем более достойно признательности и благодарности с моей стороны, что театру всегда неудобно, когда автор пьесы жив. Классик, по крайней мере, не путается на репетициях и не мешает. Но ничего не поделаешь, при жизни мало кому удаётся стать классиком.

Мы выкурили свои папиросы, товарищ Крокодил несколько раз осторожно взглянул на часы, из чего можно было сделать вывод, что его ждут редакционные обязанности. Я поднялся с места.

**КРОКОДИЛ.** Скажите в заключение: как вы чувствуете себя у нас? Нравится ли вам Москва?

Я. Извините, уважаемый товарищ Крокодил, но, чтобы ответить на этот вопрос, выразить то, что я чувствую, мне надо было быть лириком, да притом высшего ранга. А я не более как сатирик.

Мы обоюдно сердечно жмём друг другу руки. Я делаю это, пожалуй, даже немного сердечнее, так как мне очень хочется, чтобы это интервью было напечатано в «Крокодиле».

Ежи ЮРАНДОТ

<sup>1</sup> Несмотря на опасения Ежи Юрандота, Крокодил выбрал время посмотреть его пьесу в постановке Государственного польского театра и нашёл, что она весёлая и остроумная.

## КОММЕНТАРИИ НЕ ТРЕБУЮТСЯ

## ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Вот что сообщила недавно западногерманская буржуазная газета «Дейче фольксцейтунг».

Представитель женевской телевизионной станции г-н Лекур беседовал с южнокорейским корреспондентом.

— Мне передавали, — сказал он, — что вы представляете на Женевском совещании южнокорейские газеты. Это гигантская задача! Скажите, существуют ли в Южной Корее какие-нибудь другие газеты, кроме тех, которые вы обслуживаете?

— Нет, я представляю все газеты и, кроме того, ещё пять агентств печати.

— Если я вас правильно понял, помимо вас в Южную Корею отсюда не проникают никакие другие сообщения?

— Конечно, нет.

— Скажите, кто вы по национальности?

— Американец.

— Мне говорили, что вы являетесь также издателем роскошного журнала, который распространяется здесь бесплатно. Как называется этот журнал?

— «Свободная Корея».

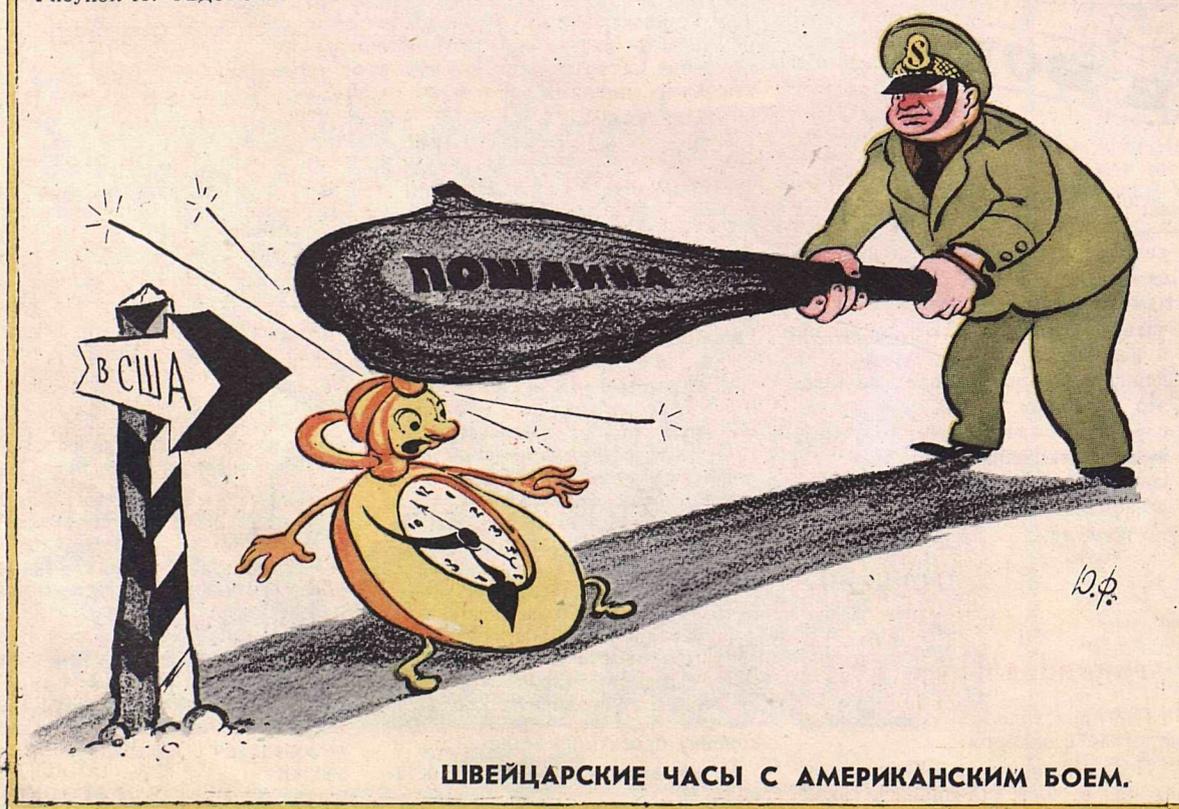
— А где он печатается?

— В Вашингтоне.

\* \* \*

«Дейче фольксцейтунг» отмечала, что сообщение об этом любопытном диалоге хотя и несколько запоздало, но не утратило интереса. С этим нельзя не согласиться.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.



ШВЕЙЦАРСКИЕ ЧАСЫ С АМЕРИКАНСКИМ БОЕМ.

# ДЭЙВ БЭК ПЕРВЫЙ



Империю Бэка прославляют газеты и журналы. Его величество император Дэйв Бэк живёт весело и роскошно. Он устраивает такие приёмы, каких не может себе позволить высочайшая особа, которая царствует, но не управляет. Дэйв Бэк — император-самодержец. Он и царствует и управляет на правах неограниченного монарха. В его дворце останавливаются десятки гостей, и для каждого из них подготовлены не только комфортабельные апартаменты, но даже спортивные костюмы. Поплавав в великолепном искусственном пруду, гости усаживаются за стол, где их ждут утончённые яства и вина, а затем отправляются в собственный кинозал его величества.

Иногда Дэйв Первый обедает в ресторане. Он выезжает из своей резиденции на самой элегантной машине (предпочтительно марки «кадиллак») и выбирает самые дорогие рестораны. Как подобострастно отмечает пресса, Дэйв не станет обедать там, где хозяин не знает его.

Устав от дел, император летит на самолёте в очередное заграничное путешествие вместе с августейшей супругой. Если королевским особам в наши дни приходится урезать штат свиты, то Дэйв Бэк, наоборот, не жалея денег, увеличивает свою свиту год от года.

В каком же тридевятом государстве царствует император Дэйв Бэк Первый?

Эта страна — США.

Но откуда там императоры? Может быть, он король нефти? Или король кока-кола? Или хотя бы король жевательной резинки?

Нет, Дэйв Бэк — царствующая особа иного типа. Он руководитель одного из крупнейших в США профсоюзов — шофёров грузовых автомашин. Но этот профсоюз в американской прессе не называют иначе, как «империя Дэйва Бэка».

У Дэйва есть свои биографы. Газета «Нью-Йорк пост» посвятила его жизнеописанию целые страницы в нескольких номерах. Почтительно описаны вкусы, привычки, капризы и слабости венценосца. Оказывает-ся, он любит читать книги о преуспевающих людях. Накопленные таким образом с юных лет теоретические познания Бэк пытался сначала применить в бизнесе. Но теперь, пишет «Нью-Йорк пост», он решил, что профсоюз даёт больше возможностей для возвышения. И в самом деле, воссев на трон руководителя профсоюза шофёров грузовых автомашин, Дэйв Первый стал богат и тучен. Если б он носил корону, а не шляпу, то мог бы украсить её бриллиантами.

Недаром Дэйва называют в США «великим купцом от рабочего движения». Его доходам позавидуют не только некоторые короли, но и миллионеры. Как подчёркивает «Нью-Йорк пост», Дэйв свободно распоряжается десятками миллионов. «Лидеры профсоюза», констатирует газета, — располагают большими суммами на организационные расходы, причём половину денег они присваивают себе».

Императору Дэйву Бэку не приходится унижаться, как некоторым конституционным монархам, — просить совет министров и парламент разрешить дополнительные затраты на свою особу. Дэйв свободно, не спрашивая ничего благословения, истратил, например, три с половиной миллиона долларов на постройку штаб-квартиры своего профсоюза, причём перенёс эту штаб-квартиру из Индианаполиса в Вашингтон.

У великого купца от рабочего движения большой бизнес и огромные доходы. Биографы рассказывают о том, как, принимая в своём доме дворец на Шеридан-бич в Сиэтле друзей по бизнесу, Дэйв получает от них тайную информацию о биржевых ценностях. Дэйв играет только наперняка.

Огромный, толстый, наделённый здоровым горлом, профсоюзный босс любит кричать с трибуны:

— Я давно предан рабочему движению!

Люди, знающие Бэка, говорят, что эта фраза чуть-чуть неточна. В ней надо изменить всего-навсего несколько букв, и тогда она будет правдой. Бэк смело мог бы сказать:

— Я давно предал рабочее движение.

Бэк, желая похвастаться своей популярностью, уверяет:

— Миллионные массы членов профсоюза мне преданы.

И здесь он чуть-чуть неточен. И здесь надо изменить всего-навсего несколько букв. Бэк мог бы, положив руку на сердце, сказать:

— Миллионные массы членов профсоюза мной преданы.

Но, разумеется, тучный и зычногласый Дэйв произносит иные речи. Иногда он отправляется в какой-либо штат и начинает громить с трибуны предпринимателей.

— Я не позволю, — кричит Бэк, — обманывать рабочий класс! Я покажу силу нашего профсоюза! Я сломаю сопротивление хозяев!

При этом Дэйв называет имена хозяев предприятий, которым он объявил войну.

Но вот странно, старые члены профсоюза, слыша эти бравые речи Бэка, только покачивают головами и говорят:

— Наш гангстер Дэйв задумал новый рэкет.

А дальше события развёртываются так.

Агент Дэйва Бэка приезжает к одному из мелких предпринимателей и предъявляет ему ультиматум:

— Или выдείτε вознаграждение рабочим сверх заработной платы, или мы организуем забастовку.

Рабочие, разумеется, готовы бастовать — они много натерпелись от хозяйчика. Но едва успеют выставить пикеты, как посол его величества Дэйва Первого снова спешит к предпринимателю:

— Ну, как? Всё упрямитесь? Смотрите, лопнет ваше дело. Ну, а если вы установите ежемесячную выплату лидерам нашего профсоюза, всё будет в порядке. И забастовку мы отменим, и рабочим вы можете не давать ни цента сверх обычного.

Хозяйчик, боясь разорения, капитулирует — он соглашается выплачивать ежемесячный налог императору Дэйву. Предприниматель быстро возмещает расходы за счёт пота рабочих, а заодно расправляется с теми из них, кто был в первых рядах «смутьянов». Очередной бизнес Дэйва и его придворных несёт новые прибыли «купцам от профсоюзного движения» и новые страдания обманутым рабочим.

В Миннеаполисе агент Бэка попался с поличным и был обвинён в шантаже, но и тут император вышел сухим из воды. Как правило, агенты Бэка попадают редко. Чиновники империи Дэйва Первого заранее вступают в сделки ещё с кандидатами в члены конгресса, организуя им голоса на выборах. Поэтому у императора Бэка есть свои конгрессмены.

Когда Дэйв Бэк приезжает на предприятие крупного капиталиста, он не говорит громовых речей, а, наоборот, становится елейно сладким, и его заплывшие жиром глазки жмурятся, как у сытого кота. Он мурлыкает о классовом мире между рабочими и предпринимателем. Тут уж Бэк, разумеется, не идёт на рэкет. Да он и без рэкета сумеет заработать в содружестве с капиталистом крупные деньги.

Дэйв Бэк прославился тем, что создал в Сиэтле профсоюз для... капиталистов. Это был союз предпринимателей, рьяно оборонявший их от наступления рабочего движения. Даже выдавшие виды буржуазные американские журналисты долго не могли придти в себя от изумления, и уже без того богатый пышными титулами император Дэйв получил в прессе ещё одно наименование: «организатор боссов». И буржуазные газеты, которым очень нравится проповедь Дэйва Бэка о классовом мире, не могли на этот раз удержаться от иронических замечаний. «Вот уж поистине классовая гармония!» — восклицала по этому поводу «Нью-Йорк пост».

Однако Дэйв, не обращая внимания на шуточки друзей из капиталистического лагеря и проклятия предаваемых им рабочих, продолжает делать деньги, охраняя предпринимателей. Он вступает в союз с самыми крупными из них, и пресса по-деловому называет такие союзы «Картельное соглашение Бэка».

Помимо титула императора, великого купца от профсоюзного движения и организатора боссов, Дэйв сумел получить в американской прессе и ещё один громкий титул: «Бэк-штрейкбрехер № 1 в Америке». Как выдающийся специалист по предательству, он организует штрейкбрехеров не только в своём, но и в других профсоюзах. Бэк помог подавить в Лос-Анжелесе забастовку клерков, а год спустя пытался сломить забастовку союза машинистов в Сиэтле.

Его величество Дэйв нашёл свой путь к преуспеянию и, пустив в рост первые заработанные им на предательстве тридцать сребренников, умело превращает их в десятки миллионов долларов. Профсоюзного бизнесмена не устраивают скромные масштабы библейского Иуды Искариота — Дэйв Бэк привык к более широкому размаху.



Вор. Ефимов - 54.

## АМЕРИКАНСКАЯ ГЛУХОТА.

## ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ОШЕЙНИК

С Эдгаром Маурером, корреспондентом американского журнала «Кольерс», читатели немного знакомы. Он обратил на себя внимание непристойным поведением, когда, захлёбываясь от злости, обругал Францию за то, что она, великая держава, не хочет превратиться в привесок США. При дворе дяди Сама верноподданнические чувства Маурера оценили высоко и допустили за верную службу к барской ручке. Об этом не так давно поведал сам Эдгар Маурер на страницах того же журнала. Нагуская на себя солидность государственного деятеля, он сообщил о том, как его принял г-н Даллес и даже беседовал с ним доверительно:

«Государственный секретарь Джон Фостер Даллес встал из-за своего письменного стола в государственном департаменте в Вашингтоне и быстро направился к ярко освещённому глобусу в углу кабинета. «Что бы вы подумали,— спросил он меня,— если бы средневожосточная оборона свободного мира была организована непосредственно на границе с Советским Союзом?» Он провёл пальцем от Турции через Иран и Афганистан до Пакистана. «Будут ли довольны этим страны, вовлечённые в систему такой обороны?» — спросил я. «Там видно будет», — сказал государственный секретарь».

Вскоре в редакции «Кольерс» Эдгару Мауреру выдали командировочные, снабдили справочниками, помогающими разобраться, где Турция и где Пакистан, напомнили о правилах «хорошего американского тона» в странах, с которыми церемониться нечего, и направили вдоль южных границ Советского государства от Турции до Пакистана. Побывав, где ему было велено, он вернулся восвояси и сообщил о перспективах развития «линии Даллеса». Его развязная болтовня на эту тему малоинтересна, но тон, в котором он говорит о государственных деятелях Ближнего и Среднего Востока, представляет бесспорный интерес.

Государственных мужей «этого колоритного района», как выражается Эдгар Маурер, он рассматривает с единственной точки зрения: «деловые» ли они люди и можно ли на них положиться, в надёжное ли «дело» вкладываются американские доллары. И держит он себя с ними, как некий Эдгар-паша на невольничьем рынке. Турцию он снисходительно потрепал по плечу: «Она уже не конченный человек» — и напомнил, что этим она обязана американцам и должна служить им за это верою и правдою.

Понравились путешественнику и некоторые государственные мужи Пакистана. «Особенно хороши высшие слои офицерства!» — одобряет Эдгар Маурер. Вот, например, генеральный секретарь

министерства «обороны» Искандер Мирза: «Это человек действия. Когда я спросил его, что он думает относительно протестов в других странах против предоставления американского оружия Пакистану, он фыркнул: «Пусть себе вопят».

Чтобы такие вояки, как Искандер Мирза, бодро фыркали и впредь, Эдгар Маурер польстил им наскоро сработанным афоризмом: «Для пакистанца военная служба — самая прекрасная из всех профессий».

Несколько огорчил корреспондента высокопоставленный иранский представитель, хотя он и «красивый человек 34 лет, прекрасно говорящий по-английски». Если верить Эдгару Мауреру, усадив гостя рядом с собой на диване, он долго просил денег. «Нам остро необходимы деньги, — так, по словам Маурера, начал он свою беседу, — чтобы платить жалованье нашим государственным служащим, нашей полиции и нашей армии». И тут же ревниво упрекнул: «Вы предоставили Турции полтора миллиарда долларов. Иран мог бы быть столь же важным». Как выслушал Маурер жалобы и просьбы высокого соседа по дивану, нам неизвестно, но на страницах журнала «Кольерс» он отчитал его за излишнюю назойливость. Мало иметь репутацию «симпатичного, благонамеренного молодого человека», если известно, что «в прошлом он проявил нерешительность». То ли дело турки! Чтобы заслужить деньги, поучает Маурер, они доказали во время войны в Корее, что «турки — не робкий народ». Но, как слышал Маурер от американского генерала Роберта А. Макклора, руководителя военной миссии США в иранской армии, иранские солдаты тоже «являются прекрасным людским материалом».

Вот как считает нужным говорить Эдгар Маурер. Есть над чем призадуматься иранским сановникам! Особенно после недавней сделки с американскими нефтяными компаниями, которая, по определению Мосаддыка, «отдала иранский народ в рабство на сорок лет».

Как будут реагировать на эти оскорбительные поощрения и поношения американским журналом упомянутые выше деятели «дружественных» США стран, это, как говорится, — их личное дело. Возможно, промолчат. Да и что говорить, когда вопрос ясен: узы этой дружбы — хотя и позолоченный, но весьма тесный ошейник.

А. ВЕЛИЧКО

(Басня в прозе)

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Когда ворота зоопарка закрывались и звери прекращали приём посетителей, наступали в разных углах часы тихих вечерних бесед.

В льявнике его обитатели собирались вокруг Сенатора, престарелого африканского льва, единственного в зоопарке рождённого в пустыне. Все прочие львы, львицы и льяята родились и получили образование в питомниках, зоопарках, цирках. Жизнь предков в пустыне казалась им сказочным преданием.

Впрочем, и сам Сенатор плохо помнил свои юные годы. В его ослабшей памяти путались и личные воспоминания и беседы экскурсоводов. Львиное общество относилось к его рассказам с прикрытым из вежливости ироническим недоверием.

— Дедушка, расскажи, как ты бегал по Африке! — задирал Сенатора проказник Малыш. — Наверно, собаки за тобой не поспевали?

— Собаки не за мной, а от меня бегали, — хвастливо говорил Сенатор. — От меня все бегали. Я самый сильный был в пустыне.

— А какой был у вас порядок дня в пустыне? — попытался Малыш. — Сколько раз в день кормили? Когда начинали приём посетителей?

Сенатор презрительно улыбался:

— Никакого приёма не было. А кормился сам. Днём спал, а вечером выходил на охоту. Ох, и мастер я был рычать: первый бас в пустыне!

— А зачем ты, дедушка, рычал?

— Чтобы, внучек, страх навести. Как зарычу, все звери от страха рассудок теряют. Им бы бежать, а они на месте топчутся: не знают, куда податься.

— Шантажировали? — едко спросил Доцент, почитавший за самого умного в льявнике.

— Ну, нет-с, это был не шантаж. Порычу, а потом р-раз — и готово: антилопа какая-нибудь в лапах и зубах бьётся. Только кости хрустят.

— Так и позволили тебе живых антилоп драть, — сказал Малыш. — Заливаешь, дедушка. Нет таких правил.

— А я никакого позволения и не спрашивал. Правило было одно: кто посильнее, жрёт того, кто послабее. Я был самый сильный, я всех и драл.

— Понимаю, — сказал Доцент, который любил прислушиваться к тому, что говорят посетители. — Это называется: политика с позиции силы. У людей много есть позиций: с позиции мира, с позиции демократии...

— Ну вот, — сказал Сенатор. — Именно так. Но у нас была только одна позиция — силы. Кого хочу, того и деру. А меня никто не смеет драть.

Малыш состроил ехидную рожу и спросил: — Как же ты, дедушка, с позиции силы в позицию клетки попал?

Молодые львы захихикали. Львица оскалила зубы, обидевшись за своего супруга.

Сенатор поник на минуту лохматой головой, потом сказал:

— Ты прав, Малыш. Я заслужил твою насмешку. Глуп я был смолodu и не понимал того, что позиция силы без позиции ума немного стоит. Носился со своей позицией по всей пустыне. Думал, сильнее меня никого нет. А человек, вышло, сильнее. У него и позиция силы и позиция ума.

— А ты бы порычал на человека, — посоветовал Малыш.

— Рычал. По рычанию меня и нашли. Ну, и показали мне позицию силы...

— Больно было? — участливо спросил Малыш.

— Нет, стыдно было. Волокут меня, связанного по рукам и ногам...

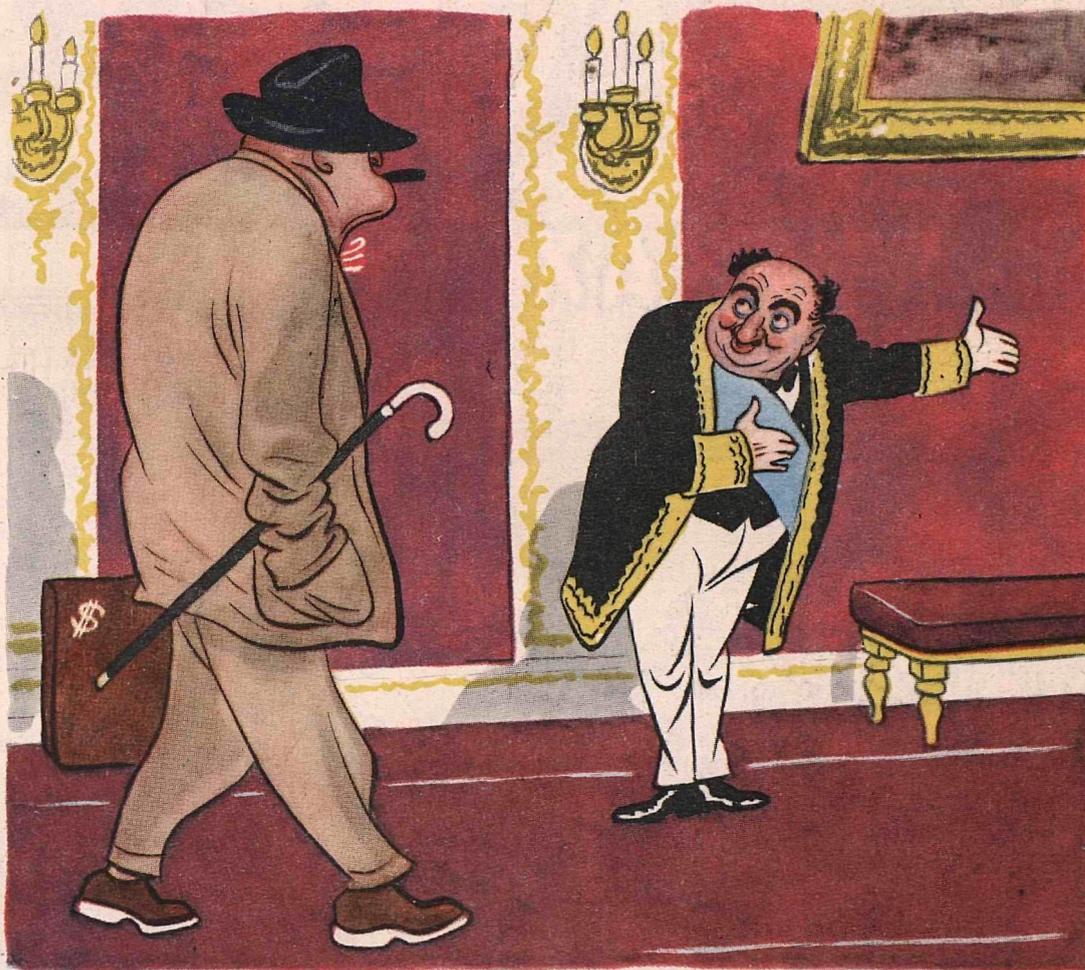
— По лапам и лапам, — поправил Малыш.

— Ну да, я и говорю: волокут связанного. А звериная мелочь смотрит из кустов, смеётся. Зайцы кричат: «Какой он лев! Он осёл...» И верно.

— И много их ещё в Африке? — спросил Малыш.

— В Африке не знаю, а в Америке ещё много.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ



— Милости прошу!



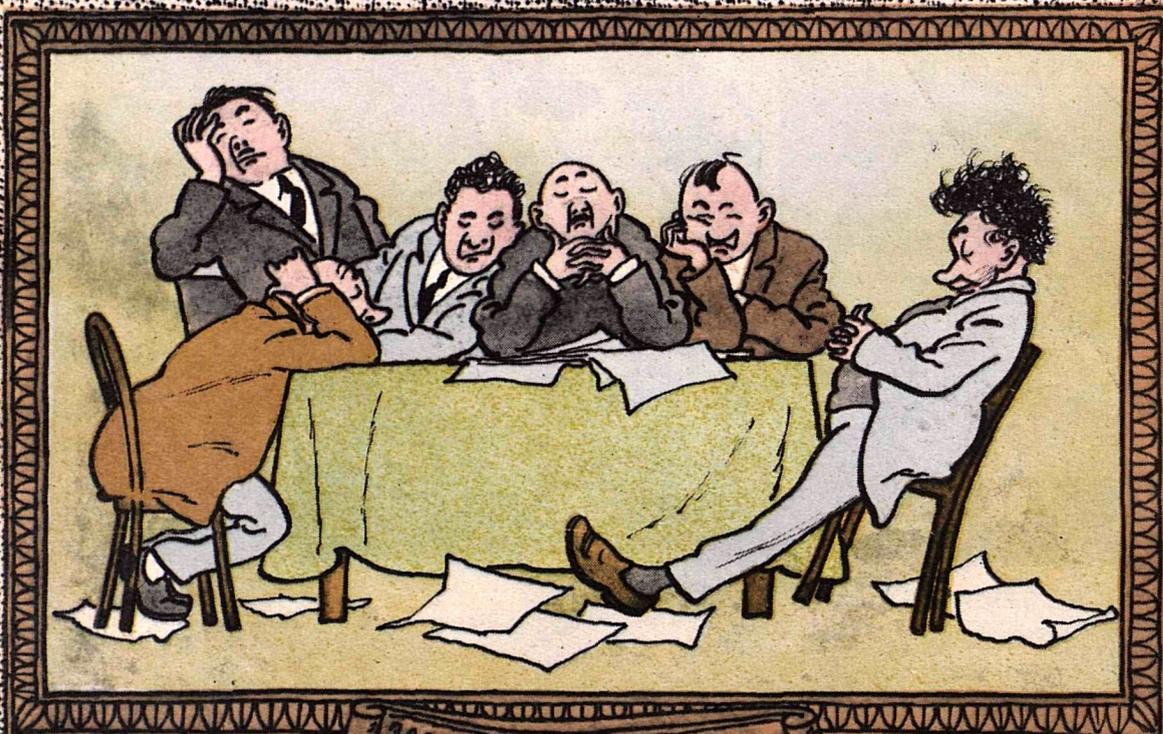
— Прошу милостыню.

Бор Ефимов - 54.

# Как живут художники



СТАРИННАЯ ГРАВЮРА (1932 г.)



НИЧЕГО НОВОГО В ЭТОЙ КАРТИНЕ НЕТ.



РЕДКАЯ КАРТИНА



— Какая из этих картин ваша?  
— Не знаю, ещё не повесили указателей.



ЧЕМПИОН ПО МЕТАНИЮ КОПИЙ

# ЗАКОЛДОВАННАЯ СТРОЙКА

## НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ

Тресту «Ворошиловкстрой» пришлось заказывать наволочки в Житомире, телогрейки и подушки — во Львове, кисти малярные — в Молдавии, хотя эти «проблемы» могли бы успешно решиться на месте в городе Ворошиловске.

Рисунок В. ДОВОЛЬСКОГО.

Дед Максим, герой гоголевского «Заколдованного места», имел обыкновение приписывать всё таинственное и труднообъяснимое исключительно козням нечистой силы.

Директор дербентского стеклозавода «Дагестанские огни» тов. Бухаров в этом отношении выгодно отличается от деда Максима. Человек он не суеверный, в нечистую силу не верит. Но попробуйте завести с ним разговор о ходе строительства клуба в посёлке стеклодувов, он только руками разведёт.

— Эта стройка какая-то заколдованная! Заложили мы клуб в 1951 году. Выделили кое-какие материалы — сами понимаете, клуб не производственный объект, — но... подкачали с рабочей силой. Пришлось в конце хозяйственного года списать неиспользованные 350 тысяч рублей. Каково! В 1952 году, наоборот, рабочая сила на стройке имелась — подкачали с материалами. Опять...

— Что опять?

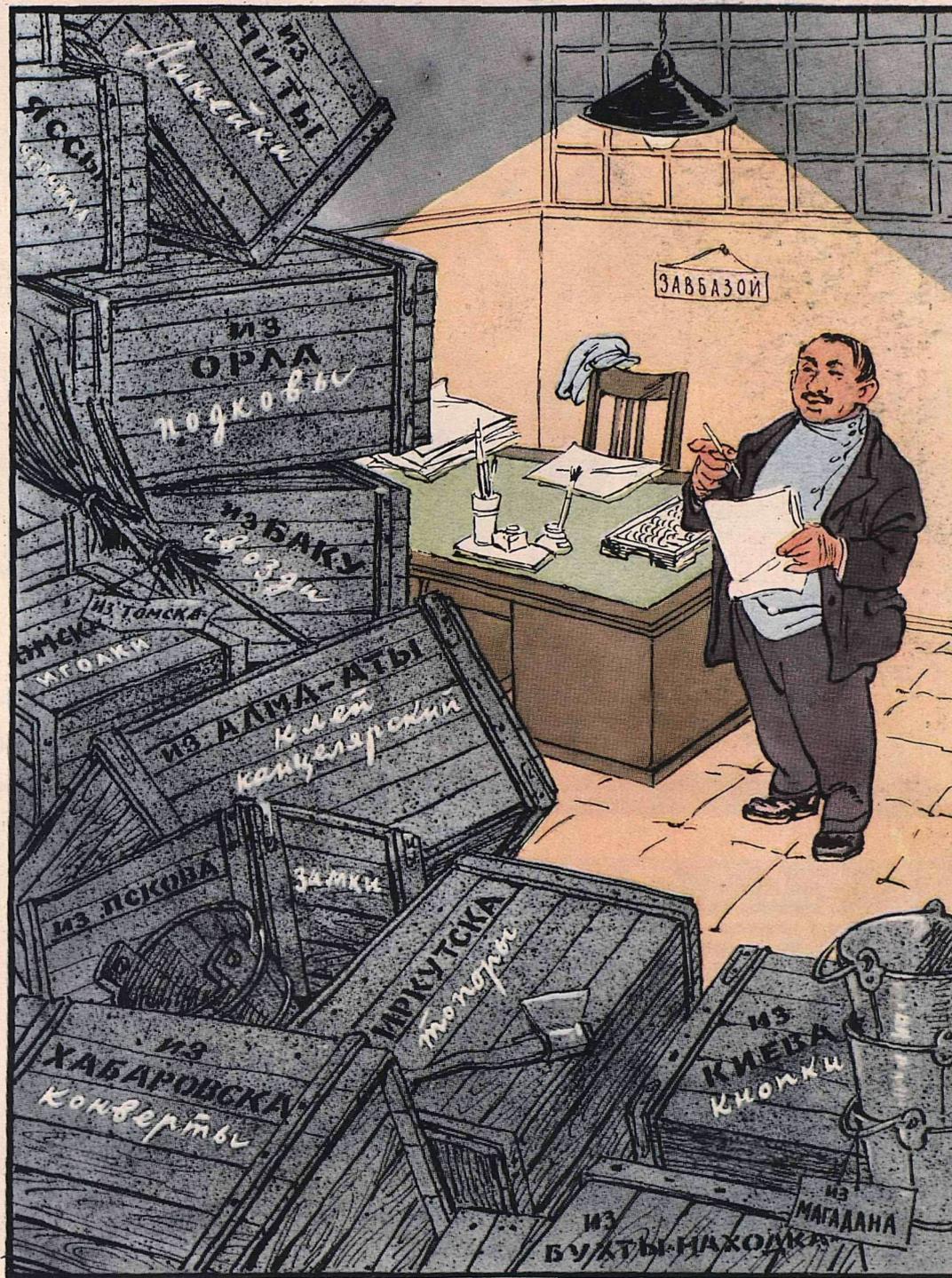
— Разумеется, списали 132 тысячи. В прошлом году вопрос снова упёрся в рабочую силу. Хоть плачь! В печёнках у меня этот клуб сидит! Впрочем... — тов. Бухаров заметно оживляется. — Мы вовсе не намерены поддаваться панике. Сейчас дела обстоят более или менее нормально. Думаю, что к концу года наши стеклодувы, получают прекрасный, благоустроенный клуб.

Однако стеклодувы далеко не разделяют оптимизма своего директора. Кто-кто, а они-то знают, что тишина на строительной площадке, как и прежде, нарушается лишь криком ворон. А двое — трое рабочих, копающихся там, не столько занимаются своим делом, сколько подсчётами: какую же сумму придётся списывать с заводского счёта и в этом году?

Трудное это дело — извлекать клубную стройку из столь неподходящего для неё места — директорских печёнок. Одна только надежда на Министерство промышленности строительных материалов, коему подчинён тов. Бухаров.

Может быть, оно поможет стеклодувам справиться с этой нелёгкой задачей?

Б. АЛЕКСЕЕВ



— Работая на этой базе, я скоро буду знать назубок всю географию!

## СТОЛИЧНЫЙ ГОСТЬ

Столичный гость сидел в кресле и небрежно поучал почтительно внимавших ему работников Якутского республиканского комитета физкультуры:

— Таёжная у вас жизнь, друзья. Забрались в дремучий закуток и сосёте, как тот медведь, лапу. Так что не обижайтесь. По лапе придётся ударить.

— Мы не обижаемся, — сказали комитетчики. — Мы будем рады, если вы поможете нам...

— На этот счёт можете не беспокоиться, — сказал гость. — Как-никак, а я государственный тренер Милёхин. А это что-нибудь да значит. Не

скрою: легче заполучить в Якутск знаменитого тенора, чем отличного тренера. Одним словом, вам повезло...

И столичный гость нарисовал перед работниками комитета волнующую картину расцвета лёгкой атлетики в Якутии. В заключение он порекомендовал купить сейф для малахитовых кубков, серебряных, хрустальных ваз и прочих ценных призов, которые начнут получать вытрезившиеся им спортсмены.

Две недели тренер сидел, запершись в гостинице. Время от времени из номера доносились приглашённые возгласы: «Начали!», «Побежали!», «Рванули с финиша!». Это навело на мысль, что Милёхин раз-

рабатывает в гостиничной тиши тактические основы будущих побед легкоатлетов республики. Коридорные же утверждали нечто противоположное, а именно, что с этих возгласов обычно начинается единоборство Милёхина с водочными бутылками.

Через две недели заметно осунувшийся Милёхин вышел из своего добровольного заключения и потребовал создать актив легкоатлетов.

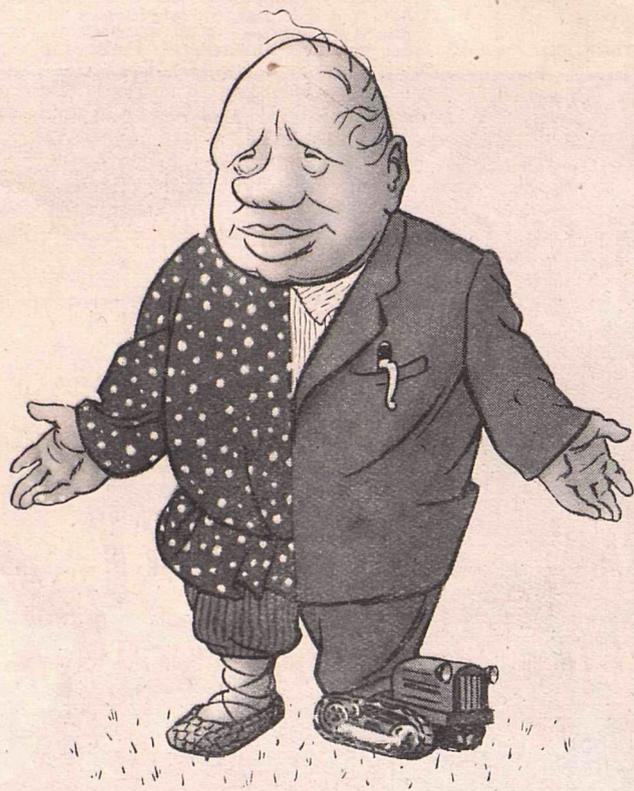
На активе столичный гость дал волю своему гневу. Он обозвал присутствующих лодырями и бездельниками и пообещал разогнать их по белу свету. Некоторые активисты пытались высказаться, но Милёхин обрывал их окриком:

— Перестань болтать!

После актива жизнь тренера вошла снова в свою алкогольную колею. Однажды из номера донёсся треск: что-то там ломали. Работники гостиницы пытались урезонить постояльца: дескать, вы, Милёхин, знаменитый тренер, но зачем же стулья ломать? В ответ Милёхин порвал занавеси на окнах и поломал койку.

Закончив таким образом командировку в Якутию, посланец Комитета физкультуры РСФСР отбыл в Магадан, чтобы и там поднять физкультуру и спорт на недостижимую для трезвого человека высоту.

А. ПУШКОВ



Александр ПРОКОФЬЕВ

## Мой любимый сарафан

ПАРОДИЯ

Ой вы, дроли, Шуры, Мани!  
Вы скажите, любоньки,  
Кто в цветистом сарафане  
С брошкой голубонькой,  
Словно пряник расписной,  
Под черёмухой лесной,  
Возле речки на песочке  
В ярких лентах да платочке!  
Ты быстра, глазастенька,  
Посмотри-ка, Настенька!..

Сарафану много лет!  
В сарафане я, поэт!  
Чем не диво! У поэта  
Ленты разноцветные,  
Бусы чудные надеты,  
Пёстрые, приметные.

Если спросят:  
— Как же так!  
Запылаю, словно мак.  
Ой вы, Шуры, Ньюры, Насти,  
В сердце борются две страсти:  
И к комбайнам сердце тянет  
И к оборкам-лентам манит.

Я певец. Иду с баяном.  
Славлю жизнь, люблю простор!

Но со старым сарафаном  
Не расстался до сих пор.

Владимир ИВАНОВ

г. Ленинград.

## МНИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сергей Саввич Габышев, директор Колымторга,— человек мнительный. То ли врачи ему предписали остерегаться топленого масла, то ли у него самого отвращение к этому продукту питания, или бабка на бобах нагадала, что поскользнётся он именно на масле, но масла он буквально видеть не может и слышать о нём не хочет.

Колхозники Средне-Колымского и Абыйского районов не любят должать государству и аккуратнейшим образом привозят госпоставки — топленое масло — в Колымторг. А Сергей Саввич госпоставок не принимает. И не только масла, но и резонов никаких принимать не желает. Урезонивают его с завидным терпением вот уже второй год и заместитель председателя Совета министров Якутской АССР тов. Барашков, и заместитель министра Проммьясомолпрода тов. Костыгов, и тов. Блоха из Главсевероторга. Шлют ему телеграмму за телеграммой, уговаривают, просят, приказывают...

Нет, не поддаётся Сергей Саввич ни телеграфным приказам, ни телеграфным просьбам, ни уговорам! Колымские колхозники о пользе государства пекутся, а мнительный Сергей Саввич только о себе: как бы ему на масле не поскользнётся. Но поскользнётся он, надо полагать, совсем на другом: на безответственном отношении к государственному делу.

## КАК НИ СТРАННО, НО...

...некоторые работники Аэрофлота, видимо, считают, что от Уфы до Минеральных Вод ближе, чем от Минвод до Уфы. И потому взимают за полёты по этой трассе в одну сторону четыреста десять, а в другую — четыреста восемьдесят рублей.

Говорят, смотритель какого-то провинциального зверинца объяснял во времена оны посетителям, что длина удава от головы до хвоста — шесть аршин, а от хвоста до головы — семь с половиной. Вот воздушные пассажиры и прикидывают: уж не перекавалифицировался ли этот самый объяснитель? Не поступил ли он на работу в Аэрофлот?

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.



ПЛАЩ.



ПЛАЩ-ПАЛАТКА.

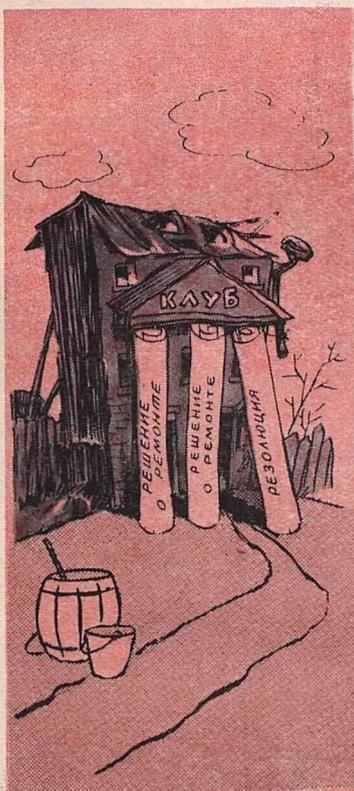


ПАЛАТКА БЕЗ ПЛАЩЕЙ.

# Дорогой Крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!



Помоги уговорить тов. Серебрякова, начальника службы зданий и сооружений Южно-Уральской железной дороги, отремонтировать наш клуб.

Уговаривали его газета «Челябинский рабочий» и газета «Призыв» выполнить многочисленные решения о ремонте клуба — не пошло.

Тогда мы решили жаловаться в дорпрофсоюз, который в течение трёх лет выделяет средства на ремонт. Не испугался тов. Серебряков и ответил нам, почти как в песне:

Не тревожь ты себя, не тревожь,  
Не поможет тебе дорпрофсоюз.

А ведь когда-то наш клуб был одним из лучших на железной дороге, но... всё течёт, всё изменяется. Особенно всё быстро изменяется, если течёт паропровод, рушится штукатурка, промерзает здание, портится инвентарь.

Единственное, что не изменяется, — это безразличное отношение тов. Серебрякова к нашему клубу.

Председатель райпрофсоюза  
А. ЕСИПОВИЧ

ст. Златоуст  
Южно-Уральской ж. д.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Если на улице города Аша, Челябинской области, ты увидишь понуро идущую лошадь, запряжённую в телегу, — знай: это и есть городская скорая медицинская помощь.

Отапливать помещение «Скорой помощи» не нужно: слишком дорогая роскошь.

Приём больных рекомендуется организовывать в помещении, где хранятся хомуты и сбруя. При ви-



повишения в организации «Скорой помощи» у нас в городе настолько интересны, что мы не можем о них умолчать.

Прежде всего «Скорая помощь», по мысли ашских городских властей, не должна иметь помещения и уж ни в коем случае — автотранспорта. Если же врачи «Скорой помощи» тяготеют к транспортным средствам передвижения, можно как исключение выделить им лошадь с телегой.

Кормить лошадь не следует, памятуя, что голодное животное передвигается быстрее в надежде получить пищу.

де этих предметов лошадиного туалета внимание больных рассеивается, и они постепенно забывают о своём недомогании — своего рода психотерапия.

Ты спрашиваешь: кому принадлежит честь внедрения этих методов организации «Скорой помощи»?

Отвечаем: исполкому городского совета депутатов трудящихся.

Это к нему безуспешно обращается «Скорая помощь» за неотложной помощью!

З. ПЕСТОВА,  
Е. НЕМЧИНОВА

г. Аша.

Реши, пожалуйста, задачку: где разумнее и выгоднее выгружать уголь для нашего совхоза: на ст. Шилово, что от нас в 50 километрах, или на ст. Назаровка, что в 18 километрах от нас? Только не заявляй поспешно, что это задачка для детей младшего школьного возраста. Взрослые, солидные люди из Россовхозснаба Министерства совхозов РСФСР, например, решили, что уголь надо выгружать именно на ст. Шилово. На этих условиях они и заключили договор с Мосуглесбытом. А мы теперь мучаемся: на отдалённой станции приходится держать кладовщика и сторожа, да и дорога до совхоза дорожке обходится.

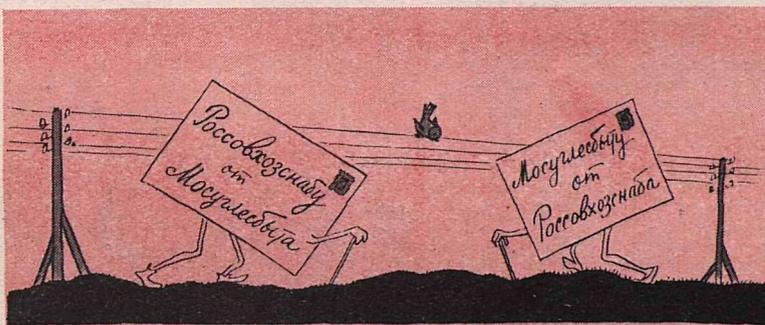
Не подумай, дорогой Крокодил, что мы спокойно относимся к такому факту. Вовсе нет! Много раз мы писали в Россовхозснаб и в

Мосуглесбыт, молили: «Переадресуйте уголь!» И вот наконец в обеих организациях поняли, что неправильно решили задачку для детей младшего школьного возраста. Но мучения наши не прекратились...

Теперь взрослые люди никак не могут уяснить себе другой вещи: что такое «переадресовка»? Вместо того, чтобы переадресовать станцию назначения, работники Россовхозснаба, соглашаясь с нами, упорно переадресовывают... наши просьбы и заявления в Мосуглесбыт, а тот переадресовывает наши письма в Россовхозснаб. Вот видишь, уважаемый Крокодил, какая нелёгкая оказалась эта задачка!

А. ЯКОВЛЕВ,  
директор совхоза.

Совхоз имени Микояна,  
Рязанской области.



## КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 9 журнала Крокодил за 1954 год в заметке «Как ни странно, но...» сообщалось о том, что в сёлах Овечкино, Морозовке и Красногорке (Новосибирская область) нет помещений для клубов, негде демонстрировать кинофильмы.

В настоящее время во всех трёх сёлах помещения клубам предоставлены.

В № 21 журнала опубликовано письмо тов. А. Распопова о том, что начальник станции Дербент тов. Чантурия превратил привокзальный скверик в свой персональный сад и закрыл туда доступ для пассажиров. В настоящее время сквер открыт для всеобщего пользования.

В редакцию Крокодила поступило письмо о беспорядках в работе торговых предприятий Шучинского района (Гродненская область).

Письмо это было обсуждено на бюро Шучинского РК КПБ. За допущенные нарушения в торговле на председателя райпотребсоюза тов. Гриб и заведующего райторготделом тов. Гвоздовского наложены взыскания. За недоброкачественную выпечку хлеба заведующий пекарней тов. Альховик с работы снят, заведующий базой тов. Ануприенко привлекается к судебной ответственности.

Председатель колхоза имени Свердлова (Кустанайская область) Бражнец Е. А. пьянствовал, был груб с колхозниками. В колхозе пропало много зерна прошлого урожая, не был выполнен план сеноуборки.

Об этом колхозники сообщили Крокодилу. В настоящее время Бражнец с работы снят. На него наложено партийное взыскание.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06949 Изд. № 801 Подписано к печати 29/IX 1954 г. Формат бум. 70×108<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Заказ № 3022. Тираж 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

